

МАРИНА Цветаева сравнивала Москву с женщиной, которую отверг Петр. Издавна повелось, что в Москве собиралось самое яркое, роскошное женское общество, и сам город, такой взбалмошный, пестрый и суетный, напоминал беззаботную дамочку.

На смену одним женским героиням приходили другие. Появлялись и исчезали соломенные шляпки, удлинялись подола, выстригались челки и оголялся лоб. Но все это оставалось Московской с ее прекрасными женщинами.

Аромат нашей сегодняшней собеседницы — «Шанель № 5». Существование — полубожественное: сцена Большого театра.

...Однажды по заказу театрального музея имени Бахрушина были вылеплены три статуэтки тогдашних прима-балерин: Лепешинской, Тихомировой и Сангович. Пока скульптуры везли из мастерской по разбитым московским мостовым, фигура Тихомировой разбилась, у Сангович оторвалась рука, — и только Лепешинская добралась целой и невредимой. Администрация музея поступила мудро: взяли руку Тихомировой и прилепили к Сангович. Так и стояли две статуэтки на радость обожаемым...

Сегодня Ядвига Генриховна Сангович рассказывает нам о времени, о городе и о себе:

— Я родилась в Петрограде в польской семье. Крестили меня в костеле святой Екатерины на Невском. Когда мама — она была простой домохозяйкой — осталась одна, меня взяла на воспитание семья очень крупного инженера. Они дали мне все, что только могли.

Когда завод, где работал отчим, перевели в Подлипки, мы переехали в Москву. Было это в 1919 году.

Мы поселились на Сретенке в большом-большом доме, который выходит на четыре квартала, напротив бывшего кинотеатра «Уран». Уж не знаю, какая я была в детстве, но меня весь дом на руках носил. Я всегда танцевала! Взрослые садились за рояль, играли неизвестную мне музыку, а я импровизировала. С трех лет всем уже было ясно, кем я буду.

Родители решили отдать меня в балетное училище при Большом театре. Чтобы попасть в такую элитную школу, нужна была протекция. В первый раз меня не приняли. Сказали — искривление позвоночника. Зато на следующий год нашлись знакомые, и меня чудно зачислили в школу. Я проучилась там десять лет.

К тому времени мы переехали на Арбат, на Знаменку. От нее шел Знаменский переулок, а там, в громадном саду, — бывшая усадьба Щукина. Сад был огорожен высоким забором, около ворот стоял одноэтажный домик, где жил дворник. А рядом был двухэтажный дом на восемь квартир для крупных инженеров. И дворник знал, кто куда идет: или в гости к нам, или в музей-усадьбу Щукина.

В саду на Арбате куковали кукушки и пели соловьи, цвели яблони, каштаны, шиповник; огромные грозди сирени перевешивались через забор. Мы жили на первом этаже, и я прямо из окна «сигала» в этот сад к соловьям, кукушкам, ко всему цветущему. Меня вечно кусали комары и всякие блохи, и мама постоянно мазала меня гвоздичным маслом.

Школа наша располагалась на Софийке, рядом с Неглинкой. Ученики школы были заняты во всех спектаклях Большого. С первого до последнего класса была практика и в операх, и в балетах.

От Неглинной прямо на Большой театр выходил Пассаж.

А на Лубянке вместо Дзержинского был громадный фонтан, вокруг которого ездили ломовые извозчики, лихачи. Зимой — на саночках, летом — на колесах. А с правой стороны, у Никольской, стояла старая Китайгородская стена, которую потом снесли, а вокруг — полно лавочек букинистов.

Посередине Театральной площади стояли две трамвайные остановки. Я ездила на трамвае, и мама каждое утро давала мне деньги в бумажке, чтобы я не пачкала руки о грязные монетки. Когда в театре был спектакль, мама привозила и встречала меня на извозчике. (Простой стоил 75 копеек, а роскошный, с каким-нибудь медвежьим пологом, — рубль.)

— Ядвига Генриховна, а кто были ваши кумиры?

— Тогда балетная школа и театр были неразрывно связаны. К нам постоянно приходили ведущие артисты. Мы видели, как они двигаются, как разговаривают, как общаются друг с другом. Это был бесценный опыт. Сейчас эти связи, к сожалению, разорваны. И школа никак не зависит от Большого театра.

А тогда своих любимцев мы узнавали по духам. Слышишь шаги на лестнице и за па «Шанель» — это Марья Романовна Рейзен; если «Коти» — то Викторина Владимировна Кригер.

— С чего началась ваша слава?

— Первые роли в Большом были у меня с первого класса. В «Снегурочке», в сцене весны, все мы, маленькие мальчишки и девчонки, изображали воробышков, синичек. Потом был балет «Эсмеральда» (сейчас он идет только в Мариинском театре). Действие в первом акте происхо-

стью — балетмейстером Голейзовским. На его идеях до сих пор ставят танцы. Он был необыкновенным постановщиком! Из «пяток» танцовщика Голейзовский вытаскивал то, что тот в себе и не предполагал. Он всегда работал не с абстрактными идеями, а сразу с артистами. Если он не влюблялся в человека, в его материал, то отказывался работать.

Во время войны Большой эвакуировали в Куйбышев, но ввиду всяких обстоятельств я раньше вернулась в Москву. В нашем филиале (сейчас это театр оперетты) из оставшихся артистов собрали балетную труппу. Решили поставить «Дон Кихота» Минкуса. И когда я приехала в 42-м году, то сразу включилась в эту работу. В новой редакции были вставные номера. Специально для меня поставили цыганский танец. На рояле музыка Желабинского звучала не очень интересно. Но Голейзовский — на репетиции он приходил в летостовской блузе

любви. Но я не только не замечала, но и возможности не давала им свои чувства выразить. А если звонили домой, так я просила маму поговорить — у нас с ней голоса очень похожи были.

Самые сильные страсти зарождались в директорской ложе. В балете «Лоуренсия» у меня был танец фламенко, в 3-м акте. А в 4-м акте все действующие лица устремляются на штурм дворца герцога. И вот, после фламенко, разогреваются перед 4-м актом. Вдруг прибегает капельдинерша и говорит, что меня добивается какой-то человек. Но никого ведь не пускают — театр режимный, и вот-вот начнется действие. Я отказываюсь. Капельдинерша приходит снова и снова. Наконец, она приносит кусочек программки, где написано: «Откуда это у вас? Я сам румынский цыган». Все равно я к нему не вышла. А капельдинерша потом сокрушалась, такой, говорит, был красавец-моряк.

И муж мой влюбился из директорской ложи.

Репертуар я имела... У Якобсона была «Огненная ведьма». Все смеялись, потому что в программке было напечатано: «Огненная ведьма» — Ядвига Сангович.

щества культурного сотрудничества Акира Дзин. Выступали мы на огромном стадионе. Меня вызывали с цыганским танцем столько раз, что в конце я уже не могла пошевелить руками — двигала только плечами и головой.

Акира Дзин добился разрешения показать нам императорский дворец — верх дипломатии в то время. Обедали мы в самом роскошном токийском ресторане с гейшами. Иногда он присылал мне свою визитную карточку с переводчицей с какими-нибудь милыми просьбами или комплиментами. Я чувствовала, что он влюблен. Но виду ни он, ни я не подавали.

Когда Акира Дзин приехал к нам в Москву, мы принимали его в «Савойе» (тогда «Берлина»). Опять по какой-то случайности я сидела рядом с ним. Мы обмолвились двумя-тремя фразами, не больше... Когда Акира Дзин улетал, позвонила переводчица и передала просьбу проводить его в аэропорт. Я позвонила кое-куда посоветоваться. Мне ответили: «Поступайте, как знаете». Тогда я собрала чемоданчик и сообщила переводчице, что меня срочно вызывают на репетицию... Больше мы не виделись. Он вскоре умер.

— Ядвига Генриховна, а были случаи, чтобы кто-нибудь из артистов оставался за рубежом?

— Нет, у нас не было. Ни романов за границей, ни побегов.

Я была и во Франции, и в Германии, и в Швейцарии, Норвегии, Швеции, Англии, Бельгии, Америке, Канаде, Австралии, Новой Зеландии, Сингапуре, Аргентине, Эфиопии. Везде нас принимали на «ура». Море интереснейших впечатлений... Но остаться — как-то в голову никому не приходило.

А вы знаете, что я эфиопская дворянка? Да!

Мы гастролировали по Северной Африке. Французское Марокко, испанское Марокко, свободный город Танжер, Тунис. Пролетали над Алжиром. Министр культуры Фурцева нам даже телеграмму прислала в связи с благополучным перелетом через военную зону.

Король Эфиопии Хайле Селассие, потомок савских царей, предоставил нам для выступлений сцену королевского театра. И пришел на представление со своим двором, а потом пригласил на прием. Перед встречей нас проинструктировали, как нужно кланяться, как подойти, как отойти, чтоб ни в коем случае не повернуться к императору спиной или даже боком.

И вот он стоит. Маленький, щупленький, с иконоподобным личиком, ботинки с круглыми носами. Каждому подавал руку и вручал зеленую сафьяновую коробочку, где лежала медаль с его изображением. Такие подарки символизируют дворянский сан!

Но как бы ни хорошо было за границей, я в первую очередь не эфиопская дворянка, а москвичка.

Недавно меня потянуло в дом своего детства. Приезжаю — смотрю. Стоит Щукинский особняк голенький. Никакого сада нет, все залито асфальтом. Посмотрела на наш дом. Зашла в подъезд, стояла перед дверью. Что-то тянет туда. И я подумала: Бог мой, как тяжело, наверное, нашим эмигрантам, если я, живя в Москве, так тоскую по своему дому?

...А после Знаменки была Покровка, а потом Тверская, где сын с мальчишками из двора дрался с ребятами с другой стороны улицы и где местная шпана надевала урны друг другу на головы и искала клад Кончаловских...

Но для Ядвиги Сангович Москва — прежде всего Большой театр. Что бы ни происходило — смерть партнера на сцене или скандал во время танца, — она всегда оставалась профессионалом. А значит, звездой.

Пробовала себя одно время в драме. Соблазнили играть Машу в «Трех сестрах» — отказалась, боялась, что помешает балету. А потом как ни тяжело, но пришло время уйти. Возраст...

— Если что-то делать, то делать не для себя, не вопреки возрасту, а прежде всего для искусства...

ВОТ такие они, гордые московские барыни. Со старым городским акцентом, со смехом в глазах, с темпераментом в кончиках пальцев. Сколько лет Ядвиге Сангович? А сколько дадите? А Москва?

Настоящие женщины — без возраста! Беседовала Яна ЖИЛЯЕВА.

«ОГНЕННАЯ ВЕДЬМА»

Моск. консерватория. - 1993.

Фото Александра ИЗOTOVA и из архива Я. САНГОВИЧ.

Ядвига Сангович: «А вместо Дзержинского был громадный фонтан»

дид в кабачке: сгружены винные бочки, идет гулянье. А на бочках сидит ватага ободранных сорванцов, на самой большой бочке — задиристая девчонка. Пред ней Гренгуар, поэт Эсмеральды, на коленях разыгрывает сцену влюбленности. И вот я

сидю на бочке и тряусь — нужно вовремя, в определенный аккорд, дать Гренгуару пощечину. И когда это наконец свершалось, я чувствовала себя на вершине блаженства.

Когда я училась во втором классе, отец моего школьного товарища, танцовщик Большого Николай Александрович Гербер, поставил русскую «Светит месяц». Девочка и мальчик с мимическими сценами. Для этого танца моя мама ездила по деревням, искала мне лапти. Эти лапти вон висят у меня в коридоре...

Танец получился очень выразительный. У номера был такой успех, что не было в Москве ни одной площадки, ни клубной, ни посольской, где бы мы ни выступали.

...Все съезды партии раньше проходили в Большом театре. И после съезда давали шикарный гала-концерт. Все лучшее из академических театров, консерватории, эстрады. И среди этих звезд мы — «Светит месяц», русская. Знаменитый концерт Гаркави нас объявил: «Самые маленькие артисты самого Большого театра!»

В Большом, после окончания школы, я танцевала и в массе, и в кордебалете, но очень быстро «вылезла» оттуда и попала в круг ведущих, характерных танцовщиц. Одна была старше меня на 15 лет, другая — на десять. Вот такая тройка была на высшем окладе высшей категории.

с часами в руках — думал-думал и нашел блестящее решение. Оркестровал этот номер Борис Михайлович Погребов, да так, что вышел шедевр.

Был как-то творческий вечер Голейзовского в зале Чайковского. Он тогда руководил ансамблем НКВД. На вечер пришли Галина Уланова со своим партнером Владимиром Преображенским, а за ними выступала я со своим цыганским. Григорий Александров, знаменитый кинорежиссер, мне потом описывал, что происходило в зале. Перед ним сидел какой-то военный, который во время моего выступления раскачивался в кресле, колотил руками по спинке стула, по подлокотникам и громко, как на стадионе, кричал: «Какие наркотики она принимает?! Нормальный человек так танцевать не может!».

— Ядвига Генриховна, вам, наверное, обожатели-почитатели дышать не давали, бегали табунами?

— Ну, на сцене я так преобразилась, что люди, не видевшие меня в обычной обстановке, после спектакля и узнать часто не могли. Когда вечером выходила из артистического подъезда, приходилось слышать такой диалог:

— Вон, смотри, Сангович пошла!

— Да не может быть, это не она! Самые фанатичные поклонники допытывались у других артистов и моих знакомых, что за капли я капаю себе в глаза. «Почему у нее искры из глаз сыплются?»

Я как до замужества вся была в работе, так и после. Потом многие артисты, художники, режиссеры признавались мне в